

Издается множество матеріаловъ, хранящихся въ монастырскихъ архивахъ, и появляется цѣлый рядъ изслѣдованій по гражданской и церковной исторіи, касающихся или отдѣльных лицъ или же крупныхъ событій и эпохъ. Таковы многочисленные труды именуемыхъ авторомъ въ „предисловіи“ ученыхъ: Романскаго епископа *Мелхиседека*, румынскаго академика *К. Ербичану*, епископа Румунскаго *Геннадія Еначану*, профессора *Евсевія Поповича*, *Денсуміану*, *Предяну*, *Григоріу* и многихъ другихъ. — Что касается до нашей ученой литературы, то хотя и здѣсь начали появляться труды по церковной и гражданской исторіи Румыніи (*Н. И. Петрова*, *Ө. А. Курганова*, *А. И. Яцемирскаго* и друг.), но они не многочисленны и отрывочны. Трудъ же извѣстнаго ученаго проф. *Е. Е. Голубинскаго*: „Краткій очеркъ исторіи Румынской или Молдо-Валахской православной церкви“, изданный въ 1871 году, долженъ быть признанъ значительно устарѣвшимъ.

Поэтому, имѣя въ виду малодоступность для большинства нашихъ ученыхъ румынскихъ первоисточниковъ и литературы, преосв. Арсеній правъ, когда говоритъ: „Съ румынами мы издавна находились въ политическихъ и церковныхъ сношеніяхъ; но о нихъ-то мы меньше всего и знаемъ“ (XXI). Между тѣмъ „изученіе современнаго состоянія православныхъ помѣстныхъ церквей въ видахъ ихъ взаимообщенія“ является „наущною потребностію“. По возможности удовлетворить указанной цѣли, по отношенію къ церкви Молдавской и поставяетъ свою задачу нашъ авторъ.

Книга преосв. Арсенія раздѣляется на *двѣ* части. Первая изъ нихъ имѣетъ такое заглавіе: „Исторія Молдавскихъ епархій и ихъ святители, со времени основанія государства и до нашихъ дней“, — и состоитъ изъ шести главъ.

Во *вступительной* главѣ (стоящей внѣ счета шести) авторъ приводитъ различныя мнѣнія по вопросу о началѣ христіанства въ приднѣйскихъ областяхъ на территоріи нынѣшней Журналы.

Румыніи ¹⁾ и, раздѣляя мнѣніе, относящее означенный фактъ ко II вѣку, научно обосновываетъ оное. Далѣе трактуетъ объ юрисдикціонныхъ отношеніяхъ дакійскихъ епископовъ къ церквамъ Западной и Восточной Римскихъ имперій, а затѣмъ къ Церковъ Юстіанѣ, Охриду и Константинопольской патріархіи. Глава заканчивается указаніемъ на отсутствіе правильной церковной организаціи до основанія самостоятельнаго молдавскаго государства. Рѣчи въ этой небольшой главѣ краткія, сжатія, почти конспективныя.

Въ первой главѣ трактуются о *молдавской митрополіи*. Съ основаніемъ въ началѣ второй половины XIV вѣка Молдавскаго государства, естественно, явился вопросъ объ организаціи въ немъ церковной іерархіи. До этого времени Молдавская церковь въ своихъ каноническихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Охрида, а затѣмъ (послѣ перехода Охрида подъ власть Сербіи) стала стремиться къ самостоятельности, но встрѣтила при этомъ противодѣйствіе со стороны властолюбивой вселенской патріархіи. Возгорѣлась борьба между Константинополемъ и Молдавскою церковію, окончившаяся „учрежденіемъ въ 1401 году Молдавской митрополіи“. — Рѣчи автора по затронутымъ вопросамъ, не всегда одинаково освѣщаемымъ въ наукѣ, обстоятельныя, свидѣтельствующія о силѣ критической мысли. Такимъ же достоинствомъ отличаются и дальнѣйшія трактати автора въ этой главѣ, касающіяся какъ первыхъ митрополитовъ, такъ и организаціи церковной жизни въ Молдавіи. Особенное вниманіе обращаетъ здѣсь критическое отношеніе автора къ существующимъ спискамъ или каталогамъ Молдавскихъ митрополитовъ (констатируется ихъ невѣрность) и удачная попытка представить свой „преемственный списокъ митрополитовъ до половины XV вѣка“. Глава оканчивается перечнемъ въ послѣдова-

¹⁾ О происхожденіи румынскаго племени (вопросъ о чемъ „до сихъ поръ не рѣшенъ въ наукѣ вполне точно“) свѣдѣнія сообщаются въ „предисловіи“.

тельномъ порядкѣ послѣдующихъ молдавскихъ митрополитовъ съ половины XV вѣка. съ замѣчаніями о жизни и дѣятельности болѣе выдающихся изъ нихъ.

Остальныя главы первой части содержатъ въ себѣ исторію епархій Молдавской церкви какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и прекратившихся, потому что въ прежнее время количество и объемъ епархій измѣнялись отчасти отъ территоріальныхъ измѣненій Молдавіи, отчасти отъ разныхъ политическихъ обстоятельствъ. Именно, во 2-ой главѣ данъ историческій очеркъ *Романской* епархій, существующей до настоящаго времени; въ 3-ей главѣ—епархій *Радоуцкой*, прекратившей свое существованіе въ 1777 году (по присоединеніи Буковины къ Австріи), при чемъ сообщаются краткія свѣдѣнія и о дальнѣйшей судьбѣ областей, входившихъ въ составъ епархій; въ 4-й главѣ—епархій *Хуниской*, существующей до настоящаго времени; въ 5-й главѣ—епархій *Пролавской*, существовавшей съ перерывами до 30-хъ г.г. прошлаго столѣтія; въ 6-й—епархій *Нижне-Дунайской*, существующей до настоящаго времени. Изложивъ исторію каждой изъ указанныхъ епархій, авторъ представляетъ затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ списки ея святителей, отмѣчая тѣ или иныя стороны дѣятельности наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ (опредѣляется значеніе ихъ для церкви и государства, указывается литература предмета и т. п.).

Вторая часть книги преосв. Арсенія носитъ такое заглавіе: „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели Румынской церковной жизни въ XIX столѣтіи“,—и тоже распадается на шесть главъ.

Въ первой главѣ трактуется „о положеніи православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX вѣкѣ“.

Этотъ довольно обширный трактатъ, основанный на трудахъ Романскаго епископа Мельхиседека, „синодалныхъ отчетахъ“ и разныхъ статьяхъ, появившихся въ различныхъ румынскихъ періодическихъ изданіяхъ, представляетъ обстоятельную и яркую картину положенія румынскаго приходскаго духо-

венства за рассматриваемое время. Князь общій взглядъ на положеніе сего духовенства въ XIX вѣкѣ и констатировать, что оно „недостаточно образовано, недостаточно обезпечено, въ нравственномъ отношеніи заставляеть желать очень многого, вслѣдствіе чего и не можетъ имѣть надлежащаго просвѣтительнаго вліянія на общество“,— авторъ выясняетъ причины такихъ печальныхъ явленій. Говоря о невысокомъ уровнѣ образованія духовенства, причину этого онъ видитъ въ слабой организаціи учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ и ненормальномъ подчиненіи ихъ свѣтской власти, а также печальномъ положеніи окончившихъ семинарію, слѣдствіемъ чего является бѣгство ихъ изъ духовнаго званія. Открытіе въ 1884 году православнаго богословскаго факультета при Букурештскомъ университетѣ сопровождается пока еще результатами, по мнѣнію преосв. Арсенія, сомнительными. Говоря объ упадкѣ нравственности въ средѣ румынскаго духовенства, авторъ самымъ распространеннымъ порокомъ среди него, влекущимъ за собою другіе пороки, считаетъ взяточничество и подкупы, благодаря чему продажа священныхъ должностей дошла здѣсь до крайнихъ предѣловъ.— Бѣдственное положеніе приходскаго духовенства въ матеріальномъ отношеніи объясняется зависимостью его отъ коммунъ и злоупотребленіями коммунальныхъ старшинъ.

Такое ненормальное и крайне плачевное состояніе духовенства обратило на себя вниманіе правительства и 29 мая 1893 года изданъ былъ „Новый Церковный Законъ въ Румыніи“, значительнымъ образомъ измѣняющій прежнее—умственное, нравственное и матеріальное—положеніе православнаго, преимущественно, приходскаго благаго духовенства. Но законъ этотъ—мечъ обоюдоострый. При своихъ достоинствахъ, сводящихся, главнымъ образомъ, къ упорядоченію приходовъ, онъ по общему своему направленію содержитъ въ себѣ не мало и вреднаго для церкви, предоставляя слишкомъ большой просторъ вмѣшательству въ дѣла церковныя свѣтской власти. Выясненіемъ значенія этого закона во всѣхъ отношеніяхъ авторъ

и заканчиваетъ свой трактатъ по затронутому вопросу. Въ концѣ трактата приложенъ, въ переводѣ на русскій языкъ, и самый „Новый Церковный Законъ въ Румыніи 1893 года“.

Вторая глава второй части книги преосв. Арсенія посвящена „секуляризаціи имуществъ Немецкаго монастыря, въ связи съ секуляризациею другихъ молдавскихъ монастырей и состояніемъ Молдавской церкви въ половинѣ XIX вѣка“.

„Немецкій монастырь—говоритъ авторъ—имѣетъ такое же значеніе для Молдавіи, какъ Троице Сергіева и Кіево-Печерская лавры для Россіи. Основанный въ самомъ началѣ XV вѣка, въ теченіе пяти вѣковъ онъ былъ центромъ религіознаго просвѣщенія въ Молдавіи, воспитавъ многихъ румынскихъ святителей—епископовъ и митрополитовъ, самоотверженно защищавшихъ родную вѣру отъ ея враговъ: ислама, протестантства и католичества. Для народа онъ служилъ лучшею школою нравственности, представляя въ лицѣ своихъ иноковъ великіе образцы подвижничества и преданности православію. Въ годы тяжкихъ политическихъ испытаній... и другихъ народныхъ бѣдствій къ нему тянулась вся православная Румынія, находя здѣсь матеріальную и духовную помощь. Монастырь этотъ находилъ въ себѣ и въ своемъ духовномъ общеніи и съ Россіею и даровалъ Русской церкви нѣсколькихъ іерарховъ (Григорій Цамблакъ и друг.). Вслѣдствіе такого значенія монастырь, благодаря щедротамъ жертвователей, располагалъ большими матеріальными средствами.

Авторъ, какъ онъ выражается, не задается грандіозною задачею написать полную исторію монастыря, такъ какъ это возможно только въ связи съ исторіею церкви и отчасти политической жизни Молдавіи. Онъ имѣетъ въ виду изобразить послѣдніе моменты славной исторической жизни монастыря, окончившіеся секуляризациею монастырскихъ имуществъ, а вмѣстѣ—и утратой прежняго значенія. Изложеніе этихъ событій, по справедливому замѣчанію автора, важное для исторіи монастыря, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ яркою иллюстраціею для ха-

рактеристики религиозной жизни Молдавии в половине прошлого века, а также—для объяснения настоящего печального состояния Румынской церкви.

В нашей литературе имеются некоторые сведения о секуляризации монастырских имуществ в Румынии. Несколько больше внимания уделено этому вопросу учеными румынскими. Рассматриваемый трактат нашего автора значительно преимуществует предъ прежними, однородными по содержанию трудами, не только потому, что преосв. Арсеній съ присущимъ ему историческимъ талантомъ воспользовался данными этихъ трудовъ, но главнымъ образомъ потому, что имѣлъ возможность изложить эпопею послѣднихъ дней жизни Нямецкаго монастыря на основаніи собственноручныхъ записей, на молдавскомъ языкѣ, очевидца этихъ событій—архимандрита Андроника, скончавшагося въ 1893 году въ Ново-Няецкомъ монастырѣ, игуменомъ котораго онъ состоялъ.

Мы не будемъ передавать содержанія этого въ высшей степени интереснаго трактата. Отмѣтимъ только взглядъ автора на секуляризацию церковныхъ имуществъ. „Подъ секуляризациею церковныхъ имуществъ,—говоритъ онъ,—вообще разумѣется отчужденіе отъ церкви имуществъ и обращеніе ихъ въ государственную собственность. Какъ ни понимать ее и ни оправдывать, она есть нарушеніе каноническихъ правъ церкви и объясняется многими причинами, въ числѣ которыхъ самою главною является упадокъ религіознаго чувства и враждебное отношеніе правительства къ церкви“.—Съ послѣднимъ едва-ли можно вполне согласиться. Вообще же вопросъ о секуляризации церковныхъ имуществъ или—если смотрѣть на дѣло шире—вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству—одинъ изъ сложнѣйшихъ и щекотливѣйшихъ вопросовъ нашего каноническаго права.

Въ концѣ рассматриваемаго трактата помѣщены слѣдующія (въ переводѣ на русскій языкъ) приложения: I) Уложеніе господаря Михаила Стурдзы для Нямецкаго монастыря и II—IV)

три грамоты господаря Григорія Гики, касающіяся секуляризаціи монастырскихъ вѣмуществъ.

Послѣднія четыре главы (III—VI) второй части книги преосв. Арсенія посвящены біографіямъ святителей Молдавіи — митрополита *Веніамина Костаки*, епископовъ *Неофита* и *Филарета Скрибановъ*, Романскаго епископа *Мелхиседека* и Хушкаго епископа *Сильвестра*. Послѣдніе три — воспитанники нашей Академіи. Всѣ означенные святители имѣли громадное значеніе въ исторіи Молдавской церкви.

Дѣятельность перваго изъ нихъ Веніамина Костаки (1803—1842 г.г.) относится къ тому времени, когда стремленіе румынъ къ освобожденію отъ національнаго ига путемъ пробужденія чрезъ школу и церковь составило главный предметъ заботъ со стороны патриотовъ. Въ этомъ отношеніи митрополиту Веніамину Костакѣ принадлежитъ одна изъ первыхъ и главныхъ заслугъ, „Это — по отзыву одного изъ румынскихъ ученыхъ — былъ *пастырь добрый*... Болѣе великаго митрополита въ евангельскомъ духѣ не имѣлъ румынскій народъ; не многихъ, подобныхъ митрополиту Веніамину патриотовъ, съ такою любовію относившихся къ своему народу и наслѣдію предковъ имѣла наша страна... Для него церковь и отечество составляли одно слово, одно понятіе; произносилъ одно слово, онъ въ то же время разумѣлъ другое“.

Дѣятельность святителей Неофита и Филарета Скрибановъ, вызванная неблагоприятными для румынской церкви узаконеніями молдо-влахійскаго господаря Кузы, заслужила имъ титулъ *защитниковъ православія*; а политическая дѣятельность ихъ, тѣсно связанная съ такъ называемымъ уніостическимъ движеніемъ, во главѣ котораго они стояли, заслужила имъ титулъ *великихъ патриотовъ*.

Преосвященный Мелхиседекъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ Румынской церкви. „Какъ епископъ, — характеризуютъ его румынскіе ученые, — онъ краса нашей церкви. Просвѣщенный голосъ его школа

не умолкалъ, если того требовали обстоятельства церкви. Съ авторитетомъ и божественною ревностію онъ возставалъ на за- щиту попираемыхъ правъ церкви, и къ его голосу прислуши- вались. Какъ пламенный патріотъ и безпристрастный гражда- нинъ, онъ принималъ участіе въ возрожденіи нашей страны и единеніи родственныхъ, но разъединенныхъ княжествъ. Какъ академикъ, онъ возбуждалъ удивленіе своею поразительною ученостію и ерудиціею въ области церковной исторіи и архео- логиі. Какъ писатель, онъ является единственнымъ послѣ зна- менитаго Досвояса“.

Значительно скромнѣе дѣятельность послѣдняго святителя, преосвящ. Сильвестра; но и имъ оставлены замѣтные слѣды какъ въ мірѣ педагогическомъ, такъ и въ дѣлѣ религіозно- нравственнаго улучшенія подчиненныхъ ему пастырей и вообще пасомыхъ.

Мы нарочито привели характеристику упомянутыхъ свя- тителей, дабы видѣть, что дѣятельность ихъ, рассматриваемая въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій ихъ времени (а такъ именно и поступаетъ нашъ авторъ), мо- жетъ дать и въ талантливомъ изложеніи преосв. Арсенія дѣй- ствительно даетъ яркія картины церковно-исторической жизни Молдавской церкви, и означенныя біографіи святителей не безъ основанія могли бы быть авторомъ объединены подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки Молдавской церкви за XIX столѣтіе въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе рассматриваемой нами книги.

Въ предисловіи къ ней преосв. Арсеній предъюощаетъ нѣкоторые недостатки въ своемъ трудѣ—матеріальные и фор- мальные. Самую обширность работы онъ склоненъ считать не- достаткомъ. Последнее отчасти справедливо, особенно если имѣть въ виду первую часть его книги. Когда обслѣдуются обширные, въ нѣсколько столѣтій, историческіе періоды, при томъ въ области мало разработанной, то ошибки и дефекты не

избѣжны. Подобныя ошибки не десятками, а цѣлыми сотнями можно насчитать въ такихъ капитальнѣйшихъ трудахъ, каковы церковно-историческіе труды преосв. Макарія, проф. Е. Е. Голубинскаго, не говоримъ уже о другихъ. Разумѣется, есть дефекты и въ книгѣ нашего автора. Такъ говоря о заведеніи типографіи въ Яссахъ, онъ не имѣетъ въ виду старопечатныхъ изданій того времени и нѣкоторыхъ уже обнародованныхъ данныхъ, уясняющихъ это дѣло. Сообщая свѣдѣнія о Георгии V Могилѣ, не соглашается съ мнѣніемъ проф. Голубинскаго, предполагающаго, что сей митрополитъ былъ сторонникомъ униі,—не соглашается по основаніямъ ненадежнымъ и опуская изъ вида извѣстія о Могилѣ въ реляціяхъ папскихъ нунціевъ. Не разъясняетъ: замѣчательная рѣчь, произнесенная Скрибаномъ на выпускномъ экзаменѣ въ Кіевской Академіи (рѣчь, которую, по мнѣнію автора, *долженъ выучить всякій иностранецъ, получающій образованіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ*), принадлежитъ перу его или же (какъ не безъ основанія полагають нѣкоторые) профессору Амфитеатрову. Замѣчаются пробѣлы въ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ Молдавской церкви къ русской и южно русской.

Подобныхъ сему замѣчаній при добромъ желаніи можно сдѣлать значительное количество. Но всѣ они не могутъ затѣнать выдающихся достоинствъ капитальнаго труда преосвященнаго Арсенія.

Имѣя въ виду отмѣтить эти достоинства, я припомнилъ оцѣнку учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія, сдѣланную нашимъ незабвеннымъ профессоромъ, а моимъ наставникомъ, покойнымъ И. И. Малышевскимъ, какъ извѣстно, очень опытнымъ и тонкимъ цѣнителемъ ученыхъ работъ. Я имѣю въ виду рецензію И. И. Малышевскаго на магистерскую диссертацию нашего автора.

Вотъ существенная часть этой рецензіи.

„Къ достоинствамъ труда г. Стадницкаго (теперь преосв. Арсенія), какъ ученаго изслѣдованія, относится прежде всего

широкое изученіе тѣхъ изданій и сочиненій на русскомъ и румынскомъ языкахъ, которыя могли служить ему источникомъ свѣдѣній по предмету сочиненія, а также тщательныя изысканія по тому же предмету въ мѣстныхъ архивахъ. Затѣмъ по оцѣнкѣ и обработкѣ сообщаемого этими путями матеріала оказывается у автора основательность изслѣдующей мысли и критики исторической, простирающейся какъ на разныя общіе вопросы въ предметѣ сочиненія, такъ и на многія частности и подробности. На всемъ сочиненіи автора отражается зрѣлость его сужденій, опытность въ авторской работѣ и выработанность приѣмовъ дѣльнаго учено-литературнаго изложенія“.

Эта вдумчивая характеристика учено-литературной дѣятельности преосв. Арсенія, вызванная его магистерскою диссертациею, вполне приложима и къ настоящей его докторской диссертацин, съ слѣдующимъ добавленіемъ: такъ какъ послѣдняя диссертация имѣетъ своимъ предметомъ болѣе широкую область, то и ерудиція автора выступаетъ здѣсь въ болѣе широкихъ размѣрахъ; затѣмъ, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ (магистерская диссертация появилась въ 1894 году) преосв. Арсеній неустанно продолжалъ свои ученыя работы, то—восходя отъ силы въ силу—усугубилъ и авторскую свою опытность.

Безъ сомнѣнія, книга преосв. Арсенія будетъ настольною у интересующихся судьбами Молдавской церкви, и какъ трудъ многолѣтній, основанный преимущественно на первоисточникахъ и пособіяхъ мало доступныхъ большинству нашихъ ученыхъ, какъ трудъ богатый содержаніемъ, многосторонне обхватывающій изслѣдуемые предметы и нерѣдко освѣщающій ихъ съ новыхъ сторонъ,—книга эта даетъ автору *полное право* на полученіе ученой степени доктора церковной исторіи“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Цѣль, задача и объемъ сочиненія указаны въ предисловіи. Авторъ задумалъ обширное изслѣдованіе о Румынской церкви,

раздѣлявшейся на Молдавскую и Валашскую, и въ настоящемъ I-мъ томѣ излагаетъ преимущественно исторію Молдавской церкви, хотя въ предисловіи и во второй части этого тома говоритъ и вообще о судьбахъ всей Румынской церкви, а не одной только Молдавской. Прежде всего, онъ касается сложнаго и запутаннаго вопроса о происхожденіи румынъ, считающихся потомками римскихъ колонистовъ, переселенныхъ императоромъ Траяномъ въ завоеванную имъ Дакію, и туземнаго дакійскаго населенія. Въ концѣ II и въ началѣ III вѣковъ даки вытѣснены были изъ своихъ начальныхъ жилищъ, по мнѣнію однихъ, за Дунай, въ Авреліанову Дакію, на Балканы, а по мнѣнію другихъ—въ Карпаты, въ Банатъ и Трансильванію. Авторъ придерживается второго мнѣнія, какъ общепринятаго въ настоящее время, и утверждаетъ, что съ XIII вѣка румыны вновь стали спускаться съ Карпатъ на первоначальную свою родину и образовали два румынскихъ княжества Валахію и Молдавію, которыя, однако, скоро покорены были турками и возродились и объединились между собою уже въ XIX вѣкѣ.

По исповѣданію, значительное большинство румынскаго королевства и отчасти внѣ его принадлежитъ къ православной церкви и слѣдовательно единовѣрно Россіи. Эта вѣроисповѣданная связь и непосредственное сосѣдство Румыніи и особенно Молдавіи съ Россіей опредѣляли собою какъ историческія отношенія Россіи къ румынскимъ княжествамъ, такъ и выборъ предмета авторомъ.

Въ настоящемъ I-мъ томѣ, обнимающемъ преимущественно исторію Молдавской церкви, двѣ части: первая заключаетъ исторію епархій Молдавской церкви, а вторая—Очерки по новѣйшей исторіи Румынской церкви.

Первая часть содержитъ въ себѣ шесть главъ, излагающихъ исторію Молдавскихъ епархій, какъ существующихъ и до настоящаго времени, такъ и упраздненныхъ вслѣдствіе территоріальныхъ измѣненій Молдавіи и разныхъ политиче

скихъ обстоятельствъ. Съ самаго начала существованія Молдавской церкви учреждены три епархіи: Молдавская митрополія и двѣ епископіи Романская и Радоуцкая. Затѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія учреждена была и епископія Хушская. Въ половинѣ XVII вѣка, по особымъ обстоятельствамъ, возникла Проилавская епархія, существовавшая съ перерывами до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія; большая часть ея вошла впоследствии въ Нижне-Дунайскую епархію. Радоуцкая епархія, въ составъ которой входила Буковина, прекратила свое существованіе для Молдавской церкви по присоединеніи ея къ Австріи въ 1777 году. Отъ нея остался только нынѣшній Хотинскій уѣздъ Кишиневской епархіи, который составлялъ Хотинскую епархію до 1812 года, когда и послѣдняя прекратила свое существованіе, по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи.

Такимъ образомъ, въ первой части сочиненія даны историческіе очерки слѣдующихъ епархій: Молдавской, Романской, Радоуцкой, Хушской, Проилавской и Нижне-Дунайской. Излагая исторію той или другой епархіи, авторъ представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ святителей ея, при чемъ на болѣе выдающихся обращаетъ преимущественное вниманіе, отмѣчая тѣ или иные стороны ихъ жизни и дѣятельности, опредѣляя значеніе ихъ для церкви и государства, указывая литературу предмета и т. д. Онъ удачно воспользовался мыслию о существованіи въ первыя времена Молдавской церкви двухъ параллельныхъ митрополій Сочавской и Романской для устраненія путаницы въ спискахъ Молдавскихъ митрополитовъ и установилъ ихъ подлинную хронологію. Къ болѣе замѣчательнымъ Сочавскимъ митрополитамъ относятся: Іосифъ I Мушаты, какъ основатель національной Молдавской іерархіи; Θεоктистъ болгаринъ (1453—1477 г.г.); Варлаамъ II (1632—1654 г.г.), при которомъ былъ созванъ Яскій соборъ 1642 года и учреждена была школа; Досифей (1675—1691 г.г.), церковный писатель, извѣстный своими сношеніями съ Русскою церковью; Іаковъ Путнянскій (1750—1752 г.г.); Гавріиль II Ванулеско-

Бодони (1792 и 1808—1812 г.г.); Іаковъ Стамати (1792—1803 г.г.); Веніаминъ Костаки (1803—1810 и 1812—1842 г.г.) и др. Изъ Романскихъ митрополитовъ или епископовъ наиболѣе извѣстны: Григорій Цамвлакъ (1432—1441 г.г.), Макарій IV, авторъ славяно-молдавской лѣтописи (1531—1558 г.г.) и др.

Вторая часть сочиненія носитъ заглавіе „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели румынской церковной жизни XIX столѣтія“ и заключаетъ въ себѣ шесть очерковъ въ шести главахъ. Первые два очерка изображаютъ „Положеніе православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX вѣкѣ“ и „Секуляризацію монастырскихъ имуществъ“. Остальные четыре очерка посвящены біографіямъ святителей Молдавіи—митрополита Веніамина Костаки, епископовъ Неофита и Филарета Скрибановъ, Романскаго епископа Мелхиседека Стефанеску и Хушскаго епископа Сильвестра Баланеску, какъ имѣвшихъ громадное значеніе въ ея исторіи. Представляя изъ себя цѣлое и вполне законченное, каждый очеркъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находится въ тѣсной связи съ предыдущими и послѣдующими очерками. Объединяющимъ пунктомъ для всѣхъ этихъ отдѣльных очерковъ служитъ идея возрожденія и объединенія румынской народности, румынскаго государства и румынской церкви. Сама по себѣ симпатичная, эта идея въ своемъ историческомъ развитіи нерѣдко выражалась въ стремленіи румынъ обособиться отъ своихъ православныхъ единовѣрцевъ грековъ и русскихъ славянъ и подчиниться вліянію инославнаго запада. Тогда какъ въ первыхъ двухъ очеркахъ второй части изображается развитіе и примѣненіе этой идеи румынскимъ правительствомъ къ бѣлому и монашествующему духовенству путемъ правительственнаго ограниченія ихъ правъ и преимуществъ и подчиненія свѣтской власти,—въ отдѣльныхъ біографіяхъ румынскихъ святителей этого періода изображаются важнѣйшіе борцы за эту идею и за очищеніе ея отъ стороннихъ нечистыхъ примѣсей. То были борцы за единство и политическую и церковную самостоятельность румынскаго племени, но въ

союзъ его съ другими православными народами, особенно съ русскимъ народомъ, и потому естественнымъ образомъ боролся съ западническими стремленіями свѣтскаго румынскаго правительства. Первый изъ этихъ борцовъ, молдавскій митрополитъ Веніаминъ Костакі, жилъ въ заключительный періодъ эпохи управленія румынскими княжествами грековъ-фанаріотовъ и въ началѣ національнаго возрожденія румынъ, которому онъ больше всѣхъ и содѣйствовалъ учрежденіемъ румынскихъ національных школъ и особенно Сокольской семинаріи, учрежденіемъ румынской типографіи, изданіемъ румынскихъ книгъ, введеніемъ румынскаго богослуженія и т. п. Онъ имѣлъ утѣшеніе дожидаться восстановленія въ 1822 году права румынъ избирать себѣ господарей изъ своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ огорченіе видѣть посягательство господаря Стурдзы на права церкви въ вопросѣ объ управленіи епархіальными монастырскими имуществами и въ 1842 году добровольно удалился на покой. Преемниками его дѣятельности были ученики его, братья Неофитъ и Филаретъ Скрибаны. Они собственно были педагогами, сначала преподавателями, а потомъ преемственно и ректорами Сокольской семинаріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимали видное дѣятельное участіе и въ политической и въ церковной жизни своей родины. Послѣ того, какъ на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года положены были основанія для соединенія румынскихъ княжествъ въ одно государство,—братья Скрибаны всѣми своими силами пропагандировали идею политическаго и церковнаго объединенія Румыніи. Когда же первый князь объединенной Румыніи Куза, учредивъ единый синодъ, объявилъ Румынскую церковь независимою отъ Константинополя, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ подчинить ее гражданской власти и управлять ею въ духѣ западныхъ протестантскихъ идей,—то братья Скрибаны вступили съ нимъ въ борьбу, въ защиту каноническихъ началъ и особенно противъ предпринятой княземъ Кузой секуляризациі монастырскихъ имуществъ. При ихъ содѣйствіи въ 1872 году

издаць былъ новый законъ, болѣе благопріятный для Румынской церкви и учрежденъ каноническій Румынскій Синодъ. Ученикъ братьевъ Скрибановъ, епископъ Мелхиседекъ Стефанеску, тоже былъ рьянымъ поборникомъ государственной уніи и избранія единого для Румыніи князя и тоже боролся съ пагубными западническими теченіями католическимъ, протестантскимъ и соціалистическимъ; но его дѣятельность была уже по преимуществу организаторская, такъ что и самая борьба его съ противоправославными теченіями нерѣдко служила исходнымъ пунктомъ для болѣе прочной организаціи Румынской церкви въ отношенія духовнаго образованія, улучшенія матеріальнаго быта духовенства и т. п. Онъ же первый положилъ серьезное начало изученію исторіи Румынской церкви. Послѣдній изъ намѣченныхъ авторомъ церковныхъ румынскихъ дѣятелей, епископъ Хушскій Сильвестръ Баланеску, очерченъ сравнительно слабо, что, по нашему мнѣнію, зависѣло не столько отъ личныхъ качествъ этого епископа, сколько отъ времени, въ которое ему пришлось жить и дѣйствовать. Въ это время политическое и церковное объединеніе румынскихъ княжествъ стало совершившимся фактомъ, церковная румынская жизнь мало по малу стала приходить въ обыкновенное русло,—и преосвященному Сильвестру оставалось только плыть по ея теченію, слегка лишь направляя ее въ ту или другую сторону. Онъ вновь ввелъ нѣкоторыя церковныя учрежденія, напр., церковно-археологическій музей и епархіальную бібліотеку, повидимому, по образцу подобныхъ русскихъ учреждений, заботился о румынскихъ школахъ и объ улучшеніи быта румынскаго духовенства и продолжалъ борьбу противъ католической пропаганды въ Румыніи. Такимъ образомъ, представленныя во второй части сочиненія біографіи наиболѣе извѣстныхъ румынскихъ архипастырей XIX вѣка въ сущности излагаютъ важнѣйшіе моменты изъ исторіи Румынской церкви за это время.

Чтобы опредѣлять значеніе труда преосвященнаго Арсенія, для этого нужно имѣть въ виду, что цѣльной исторіи

Румынской церкви до сихъ поръ нѣтъ не только на русскомъ, но и на румынскомъ языкахъ. Нѣсколько опытовъ русскихъ ученыхъ въ этомъ родѣ, начиная съ „Краткаго очерка исторіи Румынской или Молдаво-Валахской православной церкви“ профессора Е. Е. Голубинскаго, 1871 года, или уже устарѣли въ научномъ отношеніи, или же касаются отдѣльныхъ сторонъ и періодовъ жизни Румынской церкви, и притомъ всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, основаны не на румынскихъ первоисточникахъ, недоступныхъ русскимъ уроженцамъ, а на второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ источникахъ и пособіяхъ. Послѣднее нужно сказать даже о такомъ капитальномъ изслѣдованіи, какимъ является сочиненіе профессора Курганова „Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи Румынской православной церкви“, печатавшееся въ „Запискахъ Казанскаго университета“, а нынѣ появившееся особой книгой. Важное преимущество сочиненія преосвященнаго Арсенія состоитъ въ томъ, что авторъ его, будучи уроженцемъ Бессарабіи, съ дѣтства изучилъ румынскій языкъ и слѣдовательно имѣетъ ключъ ко всей румынской ученой литературѣ, которымъ онъ вполне и воспользовался въ своемъ сочиненіи. Преосвященный Арсеній, насколько намъ извѣстно, уже съ 1887 года сталъ печатать статьи и изслѣдованія по исторіи Румынской церкви, неоднократно совершалъ ученыя поѣздки по Румыніи, основательно изучилъ печатные первоисточники на румынскомъ языкѣ и даже пользовался нигдѣ доселѣ неизданными матеріалами, напр., „Исторіей Намецкаго монастыря“ архимандрита Андроника. Поэтому разсматриваемый трудъ долженъ занять видное мѣсто не только въ русской ученой церковно-исторической литературѣ, но и въ самой румынской.

Но въ трудахъ преосвященнаго Арсенія есть и такіа достоинства, какихъ мы не находимъ у румынскихъ свѣтскихъ и даже церковныхъ историковъ. Мы не говоримъ уже о прежнихъ церковно-историческихъ трудахъ на румынскомъ языкѣ, напр., преосвященнаго Мелхиседека Стефанеску, какъ значительно

устарѣвшихъ въ настоящее время. Но и новѣйшіе труды румынскихъ ученыхъ по румынской церковной исторіи, напр. преосвященнаго Арджескаго Геннадія Еначану, окончившаго воспитаніе въ Киевской Академіи, имѣють едва-ли не болѣе крупныя недостатки особаго рода. Недостатки эти вытекають главнымъ образомъ изъ узко-націоналистическаго направленія нѣкоторыхъ представителей возрожденія румынской народности, которые, подъ вліяніемъ увлеченія Западомъ, стали враждебно относиться къ народностямъ латинской расы, особенно къ единовѣрнымъ грекамъ и славянамъ, принимавшимъ дѣйтельное участіе въ историческихъ судьбахъ румынскихъ княжествъ. Отсюда, съ одной стороны, почти всеобщее у румынъ враждебное отношеніе къ грекамъ, съ именемъ которыхъ связывалось представление о тяжеломъ фанариотскомъ игѣ, тяготѣвшемъ надъ Румыніею болѣе 100 лѣтъ; отсюда же, съ другой стороны, непріязненный взглядъ свѣтскихъ и нѣкоторыхъ церковныхъ румынскихъ историковъ на славянъ и въ частности на Россію и на славянскій элементъ въ румынской исторіи и въ церковномъ богослуженіи. Особенно недовольны румыны присоединеніемъ къ Россіи Бессарабіи, которая является для нихъ чѣмъ-то въ родѣ *Romania irritanda*. Понятно, что у преосвященнаго Арсенія немыслимо искать даже и слѣдовъ такихъ шовинистскихъ воззрѣній румынскихъ патріотовъ. Напротивъ, онъ постоянно борется съ подобными шовинистскими воззрѣніями румынъ и особенно старается облить Россію въ ея историческихъ и современныхъ отношеніяхъ къ Румыніи. Такимъ образомъ, преосвященный Арсеній, представляя въ своемъ трудѣ послѣднее слово науки въ изученіи румынской церковной исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ румынскихъ церковныхъ историковъ сравнительною широтою и объективностію своихъ историческихъ воззрѣній.

Нѣкоторую невольную уступку воззрѣніямъ румынскихъ историковъ преосвященный Арсеній допускаетъ развѣ въ томъ только отношеніи, что, пользуясь румынскими источниками и трудами румынскихъ историковъ, иногда довольно мрачными,

сгущенными красками изображаетъ фанариотскій періодъ въ жизни румынскихъ княжествъ и румынской церкви и въ этомъ отношеніи значительно расходится съ профессоромъ Кургановымъ. Не вездѣ также авторъ обрисовываетъ съ желательною полнотою русско-румынскія отношенія, повидимому предполагая ихъ общеизвѣстными для читателя изъ другихъ сочиненій по румынской исторіи, напр. изслѣдованія г. Яцимирскаго о Григоріи Цамылакѣ, или же изъ прежнихъ трудовъ самого же автора, напр. о митрополитѣ Гавріилѣ Банулеску—Бодони.

Обѣ части сочиненія неравномѣрно развиты и не имѣютъ строгаго соотношенія между собою. Положимъ, весьма естественно, что вторая часть сочиненія, обнимающая наиболѣе интереснѣйшій періодъ въ исторіи Румынской церкви и имѣющая обильныя для себя источники, втрое обширнѣе первой части: первая часть заключаетъ въ себѣ только 132, а вторая 438 страницъ. Но важнѣе внутреннее несоотвѣтствіе между частями. Первая часть заключаетъ въ себѣ исторію однихъ только молдавскихъ епархій и ихъ святителей, со времени основанія господарства и до нашихъ дней, тогда какъ вторая часть обозрѣваетъ главные моменты и жизнь важнѣйшихъ дѣятелей не одной Молдавской, а всей Румынской церковной жизни въ XIX столѣтіи. Такимъ образомъ выходитъ, что эта часть не вполне соотвѣтствуетъ общему заглавію сочиненія, имѣвшему въ виду исторію одной только Молдавской церкви. Не соотвѣтствуетъ содержаніе этой части и ея собственному спеціальному заглавію, такъ какъ не исчерпываетъ всей новѣйшей исторіи Румынской церкви, опуская изъ виду Валашскихъ святителей. Для объясненія этого несоотвѣтствія нужно имѣть въ виду, что преосвященный Арсеній предполагаетъ издать второй томъ, который имѣетъ заключать исторію епархій Валашской церкви и по плану своему долженъ вполне соотвѣтствовать теперешнему первому тому. Очевидно, общій планъ составленъ для обоихъ томовъ, теперешняго перваго и предполагаемаго втораго. Въ первыхъ частяхъ каждаго тома планъ этотъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ его выполненію, такъ какъ до

Валашская существовали раздѣльно, со своими особыми, независимыми другъ отъ друга митрополитами. Но когда, послѣ фактическаго объединенія румынскихъ княжествъ въ 1859 году, въ 1864 году учреждена была въ Румынской церкви Центральная Синодальная власть, — Молдавская и Валашская церкви входить въ одно общее русло румынской церковной исторіи, и различать съ того времени въ румынской церковной жизни отдѣльныя теченія Молдавское и Валашское намъ представляется крайне неудобнымъ.

Кстати замѣтить, что, по нашему мнѣнію, естественнѣе слѣдовало бы начать „Исслѣдованія и монографіи“ съ исторіи Валашской церкви, какъ древнѣйшей по времени своего учрежденія, а не Молдавской, какъ болѣе поздней. Авторъ началъ съ послѣдней, кажется, потому, что исторія Молдавской церкви въ своемъ развитіи имѣла гораздо больше точекъ соприкосновенія съ исторіею сосѣдней Русской церкви, чѣмъ исторія Валашской церкви.

Отдавая полную справедливость выбору для перваго тома „Исслѣдованій и монографій“ болѣе интересной для русскихъ исторіи Молдавской церкви, мы закончимъ свой отзывъ искреннимъ пожеланіемъ, что бы поскорѣ вышелъ въ свѣтъ и второй томъ „Исслѣдованій и монографій“, касающійся исторіи Валашской церкви. Присужденіе автору степени доктора церковной исторіи было бы и достойною наградою за выполненный уже обширный и многополезный трудъ, и поощреніемъ къ окончанію сего труда“.

Постановили: Сочиненіе магистра богословія, пресвященнаго Арсенія, епископа Исковскаго и Порховскаго, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви“ (С. Петербургъ, 1904), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени доктора церковной исторіи и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Киевскаго и Галицкаго, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи пресвященнаго Арсенія въ степени доктора церковной исто-

III. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, магистра богословія Дмитрія Богдашевскаго подъ заглавіемъ: „Посланіе святаго Апостола Павла къ Ефесянамъ“ (Кіевъ, 1904), представленномъ на степень доктора богословія.

а) И. д. доцента В. Эземплярскаго:

„Предметомъ своего сочиненія профессоръ Дмитрій Ивановичъ Богдашевскій избралъ посланіе святаго апостола Павла къ Ефесянамъ. Такъ какъ до настоящаго времени въ нашей русской богословской литературѣ не существовало строго научнаго изслѣдованія объ этомъ посланіи апостола Павла, то цельзю не привѣтствовать отъ души появленіе труда Д. И. Богдашевскаго, тѣмъ болѣе, что посланіе къ Ефесянамъ отличается необыкновенною глубиною содержанія и представляетъ, говоря словами автора разсматриваемаго нами изслѣдованія, какъ бы христіанскій катихизисъ (стр. 122, 207). Если при этомъ принять въ соображеніе, что посланіе къ Ефесянамъ отличается не только богатствомъ содержанія, но и во многихъ случаяхъ представляетъ значительныя трудности для истиннаго его пониманія; далѣе, что на Западѣ существуетъ богатая литература, посвященная этому посланію, которая поражаетъ крайнимъ несогласіемъ не только въ пониманіи отдѣльныхъ выраженій посланія, но и въ ученіи объ его происхожденіи и первоначальномъ назначеніи; наконецъ, что ни одно посланіе апостола Павла, кромѣ пастырскихъ, не подвергается такимъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны новѣйшей отрицательной критики, какъ именно посланіе къ Ефесянамъ, то для насъ будутъ еще болѣе несомнѣнны какъ настоятельная пужда въ появленіи научнаго изслѣдованія, посвященнаго посланію къ Ефесянамъ, такъ равнымъ образомъ и громадный трудъ, какой долженъ былъ выпасть на долю того богослова, который пожелалъ бы представить подобное изслѣдованіе. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ въ данномъ случаѣ для нашей богословской науки Д. И. Богдашевскій. Его изслѣдованіе распадается на двѣ главныя части: исагогическую и экзегетическую; намъ есте-

ственно начать обзоръніе съ первой части, въ нѣсколькихъ главахъ говорящей о происхожденіи посланія.

Въ первой главѣ этой части изслѣдованія авторъ рѣшаетъ вопросы о мѣстѣ и времени написанія посланія. Эти вопросы рѣшаются авторомъ путемъ сопоставленія посланія къ Ефесянамъ съ посланіями къ Колоссянамъ и Филимону, написанными Апостоломъ, какъ выясняетъ авторъ, въ однихъ и тѣхъ же узахъ. Вопросъ и состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы опредѣлить, въ какихъ узахъ написаны эти посланія—въ кесарійскихъ или римскихъ. Д. И. Богдашевскій признаетъ, что нѣтъ твердыхъ, опредѣленныхъ данныхъ для рѣшительнаго утвержденія о происхожденіи посланія въ тѣхъ или другихъ узахъ (стр. 5), но лично все же склоняется къ предположенію, что мѣстомъ написанія названныхъ посланій былъ Римъ, а временемъ—первыя римскія узы Апостола. Свое предположеніе авторъ обосновываетъ и положительнымъ, и отрицательнымъ путемъ. Въ первомъ случаѣ онъ приводитъ свидѣтельства изъ церковнаго преданія, равно какъ нѣкоторыхъ переводовъ и рукописей, указывающихъ на Римъ, какъ мѣсто написанія посланія къ Ефесянамъ. Такого рода внѣшнія свидѣтельства подтверждаются анализомъ самаго содержанія посланія, въ связи съ извѣстною изъ книги Дѣяній Апостольскихъ и посланій дѣятельностію апостола Павла. Въ этомъ случаѣ авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя черты и маленькіе, незамѣтные на первый взглядъ, оттѣнки и штрихи въ содержаніи названныхъ посланій, которые даютъ возможность скорѣе предположить, что Римъ, а не Кесарія былъ мѣстомъ ихъ написанія (стр. 7—14). Отрицательнымъ путемъ эта же мысль доказывается авторомъ посредствомъ тщательнаго разбора возраженій противъ такого предположенія (стр. 15—20) и доказательствъ въ пользу происхожденія посланія въ Кесарійскихъ узахъ (стр. 20—22). Слѣдующій вопросъ, который необходимо было рѣшить автору, это вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи времени написанія посланія къ Ефесянамъ, въ какой именно періодъ первыхъ римскихъ узъ оно написано. Опредѣлить это время авторъ при-

знать наиболее удобнымъ путемъ сравненія обстоятельствъ, сопутствовавшихъ происхожденію посланій къ Ефесянамъ и къ Филиппійцамъ. Последнее несомнѣнно написано въ Римѣ (стр. 24—28) и притомъ послѣ написанія посланія къ Ефесянамъ (стр. 29—34). Эти данныя позволяютъ автору точнѣе опредѣлять время написанія посланія къ Ефесянамъ между 61—63 годами (стр. 35). Въ послѣднемъ отдѣлѣ главы (стр. 35—42) авторъ попутно затрогиваетъ вопросъ о томъ, являются ли три названные посланія (къ Ефесянамъ, Колоссянамъ и Филимону) происшедшими одновременно, или же только близкими по времени происхожденія. Авторъ склоняется къ послѣднему предположенію, не касаясь пока вопроса о томъ, какія изъ названныхъ посланій появлялись раньше и какія позднѣе. Таково въ общемъ содержаніе первой главы и тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ. Вся эта глава читается съ громаднымъ интересомъ, нерѣдко поражаетъ силою доводовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ предположеній, основанныхъ на глубокомъ проникновеніи въ содержаніе посланія и прекрасномъ знаніи существующей по даннымъ спорнымъ вопросамъ литературы. Одинъ только спорный вопросъ вовсе не затронутъ авторомъ, это вопросъ о такъ называемыхъ вторыхъ римскихъ узъ апостола Павла. Какъ видно изъ сказаннаго и какъ положительно открывается далѣе, авторъ признаетъ существованіе вторыхъ римскихъ узъ апостола (напр. стр. 251) и изслѣдуемое посланіе считаетъ написаннымъ въ первыхъ римскихъ узъ. Такое предположеніе имѣетъ у автора рѣшающее значеніе для опредѣленія времени написанія посланія, что въ свою очередь чрезвычайно важно для выясненія его отношенія къ другимъ писаніямъ св. апостола Павла. Между тѣмъ, самый вопросъ о существованіи вторыхъ римскихъ узъ, вопросъ крайне спорный въ наукѣ, не разбирается подробно Д. И. Богдалевскимъ, указывающимъ (стр. 251) лишь нѣкоторыя свидѣтельства церковнаго преданія въ пользу существованія вторыхъ узъ. Безспорно, въ задачу автора не входило непосредственно заниматься рѣшеніемъ такого сложнаго, побочнаго

на желательность подобнаго изслѣдованія, то лишь въ виду его громаднаго значенія для христіанскаго экзегета, для котораго безъ признанія вторыхъ узъ очень трудно объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ посланій апостола Павла.

Вторая глава изслѣдованія (стр. 43—126) посвящена вопросу о назначеніи посланія. Этотъ вопросъ, обыкновенно легко рѣшаемый относительно другихъ посланій апостола Павла, представляется чрезвычайно сложнымъ относительно посланія къ Ефессянамъ. Несмотря на то, что вся христіанская древность единогласно считаетъ это посланіе написаннымъ Ефесской церкви, въ научной богословской литературѣ существуетъ крайнее разнообразіе взглядовъ на этотъ предметъ и, какъ говоритъ Д. И. Богдашевскій, въ настоящее время „трудно указать изслѣдователей, считающихъ первоначальными читателями посланія именно Ефессянъ“ (стр. 49). Въ подтвержденіе этого положенія западные богословы приводятъ доводы и внѣшніе и внутренніе и притомъ доводы довольно убѣдительные на первый взглядъ. Въ виду такого положенія вопроса въ наукѣ авторъ такъ опредѣляетъ свою задачу: подвергнуть эти доводы возможно обстоятельному разбору и этимъ самымъ защитить церковное преданіе о назначеніи посланія (стр. 49). Осуществляется авторомъ эта задача такимъ путемъ. Сначала онъ приводитъ и разъясняетъ свидѣтельство церковнаго преданія о назначеніи посланія Ефесской церкви (стр. 43—48). Затѣмъ онъ подвергаетъ обстоятельному разбору тѣ возраженія противъ такого назначенія посланія, которыя утверждаются на внѣшнихъ свидѣтельствахъ древнихъ кодексовъ и церковныхъ писателей. Что касается первыхъ, то слова ἐν Ἐφέσῳ отсутствуютъ въ кодексахъ Синайскомъ, Ватиканскомъ и cod. 67; мѣста же церковной письменности, дающія поводъ западнымъ богословамъ сомнѣваться въ первоначальномъ назначеніи посланія Ефесской церкви, находимъ въ писаніяхъ Тертуліана, Оригена, св. Василія Великаго, Иеронима и нѣкоторыхъ другихъ. Авторъ строго послѣдовательно и тщательно разбираетъ всѣ эти мѣста древне-церковной письменности, констатируетъ присутствіе слова

ченієм названнхъ трехъ; со всею очевидностію показываєть невозможность читать 1 гл. 1 ст. безъ этихъ словъ и, на основаніи всего этого, приходитъ къ выводу о согласномъ свидѣтельствѣ церковной древности въ пользу существованія въ апостольскомъ подлинникѣ словъ „въ Ефесѣ“ (стр. 49—74). Единственно, что остается не вполне понятнымъ, это отсутствіе данныхъ словъ въ такихъ авторитетныхъ кодексахъ, какъ Синайскій и Ватиканскій. Объяснить это со всею доказательностію невозможно, и Д. И. Богдашевскому пришлось высказать по этому поводу лишь простое предположеніе (стр. 110). Доводы влѣшняго характера, дающіе основаніе отрицать первоначальное назначеніе посланія Ефесской церкви, восполняются доводами въ пользу такого же предположенія, заимствуемыми изъ самаго содержанія посланія. Эти, такъ сказать, внутреннія основанія опираются, главнымъ образомъ, на нѣсколько отвлеченномъ характерѣ посланія, будто бы не соответствующемъ тѣмъ близкимъ, сердечнымъ отношеніямъ, въ какихъ находился апостоль Павелъ къ Ефесской церкви. Указываютъ даже такіа мѣста посланія, которыя, повидимому, заставляють предполагать, что Апостоль и не зналъ лично вѣрующихъ, которымъ писалъ посланіе (I, 15—16; III, 1—2; IV, 20—21). Д. И. Богдашевскій посредствомъ анализа текста посланія съ непрекаемою убѣдительностію показываєть, какъ недостаточны всѣ эти доводы внутренняго характера для того, чтобы на основаніи ихъ можно было сомнѣваться въ назначеніи посланія именно Ефесской церкви (77—102). Далѣе, авторъ доказываетъ полную насостоятельность тѣхъ гипотезъ, какія были созданы для объясненія иного назначенія посланія къ Ефессянамъ. Здѣсь опровергаются двѣ главнѣйшія гипотезы: о назначеніи посланія Лаодикіи и цѣлому округу мало-азійскихъ церквей, равно какъ показывается невозможность объяснить существованіе словъ ἐν Ἐφέσῳ во всѣхъ, за указанными ранѣе исключеніями, древнихъ кодексахъ (стр. 103—122). Доводы автора тѣмъ убѣдительнѣе, что онъ не отрицаетъ ни, до извѣстной мѣры, общаго характера посланія, ни

того, что, хотя оно ближайшимъ образомъ назначалось Ефесянамъ, но могло читаться и въ другихъ церквахъ (стр. 110). И здѣсь авторъ попутно рѣшаетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ относительно того, что разумѣется подѣ посланіемъ „отъ Лаодикии“, упоминаемомъ въ посланіи къ Колоссянамъ (IV, 10). Послѣ предварительнаго разбора нѣкоторыхъ важнѣйшихъ гипотезъ о данномъ посланіи, авторъ высказываетъ интереснѣйшее свое предположеніе, что это посланіе отъ Лаодикии и есть именно наше къ Ефесянамъ, которое было написано раньше посланія къ Колоссянамъ и, по порученію Апостола, было передано Лаодикійской церкви. Заключается глава указаніемъ конкретнаго повода къ написанію посланія.—Самъ Д. И. Богдашевскій указалъ въ началѣ главы, что задача его въ этой главѣ „весьма сложна и трудна“. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ и, отчасти, показавъ эту трудность, мы позволимъ себѣ только прибавить, что эта задача, безъ преувеличенія можно сказать, прекрасно выполнена профессоромъ Богдашевскимъ. Большой глубины анализа текста посланія и древне-церковныхъ свидѣтельствъ, болѣе добросовѣстнаго отношенія къ мнѣніямъ и доводамъ противниковъ, большей самостоятельности въ рѣшеніи трудныхъ частныхъ вопросовъ нельзя, кажется, и представить. Если и осталось что-либо не вполнѣ яснымъ (отсутствіе словъ „ἐν Ἐφέσῳ“ въ 3-хъ кодексахъ) или предположительно высказано (посланіе „отъ Лаодикии“), то необходимо признать, что для науки это, по крайней мѣрѣ пока, неразрѣшимыя со всею очевидностію проблемы.

Слѣдующая третья глава посвящена вопросу о подлинности посланія къ Ефесянамъ. Уже предшествующей рѣчью о назначеніи посланія авторъ предупредилъ одно изъ возможныхъ и нерѣдко высказываемыхъ возраженій противъ подлинности посланія, опирающееся на томъ, что будто бы нельзя понять, кому и по какому поводу могъ апостолъ Павелъ написать такое посланіе. Но, какъ мимоходомъ отмѣтили мы ранѣе, въ западной богословской литературѣ раздается множе-

ство голосовъ противъ подлинности этого посланія, притомъ изъ среды умѣренно-отрицательныхъ богослововъ. Защиту подлинно-апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ и беретъ на себя третья глава. Свою защиту авторъ начинаетъ съ указанія и перечисленія древне-церковныхъ свидѣтельствъ прямыхъ и косвенныхъ, говорящихъ о принадлежности этого посланія апостолу Павлу (стр. 126—138), а затѣмъ переходитъ къ опроверженію сужденій отрицательной критики, начиная съ Шлейермахера и кончая сужденіями современныхъ богослововъ. Изложенная авторомъ исторія вопроса о происхожденіи посланія къ Ефесянамъ въ рационалистической наукѣ (стр. 139—148) наглядно изображаетъ всю противоположность сужденій объ этомъ посланіи западнаго богословія и этимъ несогласіемъ его въ самыхъ основнѣхъ пунктахъ достаточно свидѣтельствуеетъ о слабости изложенныхъ отрицательныхъ теорій. Въ частности авторъ выдѣляетъ въ послѣднихъ три главныхъ группы доказательствъ противъ признанія подлинно-апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ. Первая группа возраженій утверждается на мнимо существенномъ отличіи богословія въ посланіи къ Ефесянамъ сравнительно съ другими, несомнѣнно принадлежащими апостолу Павлу, писаніями. Вторая группа возраженій заимствуется изъ сравненія посланія къ Ефесянамъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ. И, наконецъ, третья группа возраженій исходитъ изъ различія языка и стиля этого посланія, сравнительно съ другими Павловыми. Противъ первой группы возраженій авторъ предлагаетъ сравнительный обзоръ богословскаго ученія въ посланіи къ Ефесянамъ съ ученіемъ св. апостола Павла въ другихъ его посланіяхъ. Авторъ касается частнаго ученія о церкви, ея единствѣ, о Христѣ, какъ Главѣ церкви, о Христѣ, какъ Исккупителѣ, о второмъ пришествіи Христовомъ, примиреніи въ церкви іудеевъ и язычниковъ, демонологіи и ангелологіи, о служеніяхъ въ первенствующей церкви (стр. 149—177). Нельзя не признать вполне цѣлесообразнымъ избранный авторомъ путь за-

щиты противъ возраженій первой названной нами группы. Читатель потерялся бы совершенно во множествѣ частныхъ и мелочей, если бы авторъ опровергалъ порознь доводы отдѣльныхъ критиковъ въ пользу несогласія ученія въ посланіи къ Ефесянамъ съ несомнѣнно Павловымъ богословіемъ. Теперь же предъ читателемъ раскрывается картина такого поразительнаго сходства въ общемъ и частностяхъ, существующаго между ученіемъ посланія къ Ефесянамъ и ученіемъ, раскрываемымъ въ другихъ Павловыхъ посланіяхъ, что всѣ возраженія отрицательной критики блѣднѣютъ предъ этою картиною и не въ силахъ поколебать глубокаго убѣжденія въ единствѣ апостольскаго ученія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ со всею силою обнаруживаетъ свое глубокое знаніе и проникновеніе въ духъ апостольскихъ писаній; главная же убѣдительность доводовъ автора утверждается на отсутствіи въ его сравнительномъ обзорѣ всякихъ натяжекъ, всякаго искусственнаго навязыванія тексту апостольскихъ посланій чуждой имъ мысли. Мѣста, выбираемые авторомъ для сравненія, такъ просты и ясны, что всегда говорятъ сами за себя, не требуя искусственной ихъ подтасовки.—Вторую группу возраженій противъ подлинности посланія представители отрицательной критики заимствуютъ, какъ мы уже отмѣтили, изъ сопоставленія посланія къ Ефесянамъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ. Большинство отрицательныхъ критиковъ признаетъ посланіе къ Ефесянамъ не инымъ чѣмъ, какъ только передѣлкой и именно расширеніемъ посланія къ Колоссянамъ (De-Wette, Baur, Hilgenfeld, Pfeleiderer, Klöpper, Soden, Holtzmann и др.). Въ доказательство этого приводятъ и таблицы параллельныхъ мѣстъ, будто бы доказывающія безусловную зависимость посланія къ Ефесянамъ отъ посланія къ Колоссянамъ. Д. И. Богдашевскій въ своемъ изслѣдованіи приводитъ 2 подобныхъ таблицы, принадлежащія De-Wette и Holtzmann'у. Отмѣтивъ разногласіе въ самыхъ этихъ таблицахъ, Дим. Ив. послѣдовательно разбираетъ всѣ указываемыя параллельныя мѣста и приходитъ къ выводу, что нѣкоторая часть ихъ, будучи

сходною по выраженію, существенно различается по мысли (Еф. I, 21,—ср. Кол. I, 16; Еф. II, 16 и Кол. I, 20 и др.), иногда, наоборотъ, сходныя мысли различно выражаются (Еф. II, 15—Кол. II, 14); въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываемыя критикою параллели вовсе не имѣютъ для себя опоры ни въ мысли, ни въ выраженіи (Еф. III, 1. 13, ср. Кол. I, 24), или же утверждаются на сходствѣ одного только слова въ выраженіи (Еф. II, 12—Кол. I, 21; Еф. IV, 26—Кол. III, 8). Авторъ не отрицаетъ существованія дѣйствительнаго, иногда буквальнаго даже, сходства разсматриваемыхъ посланій, но справедливо указываетъ и на существенное ихъ различіе, на полную оригинальность обоихъ посланій и по предметамъ ученія и по формѣ раскрытія истины. Самое сходство посланій авторъ вполне основательно объясняетъ намѣреніемъ самого апостола Павла, раскрывающаго въ обоихъ посланіяхъ родственное ученіе соответственно нуждамъ церкви Ефесской и Колосской, хотя и отклоняетъ предположеніе объ одновременности отправленія обоихъ посланій (стр. 177—189). Попутно авторъ обнаруживаетъ полную несостоятельность теории Гольдмана, осужденной и многими свободомыслящими представителями западнаго богословія (напр., Soden, Klöpper и др.), по которой посланіе къ Ефесянамъ является передѣлкой подлиннаго посланія къ Колоссянамъ, а наше посланіе къ Колоссянамъ интерполировано писателемъ посланія къ Ефесянамъ. Съ полнѣйшей основательностью авторъ показываетъ фантастическій произволь Гольдмана въ попыткахъ возстановить первоначальный текстъ посланія къ Колоссянамъ и этимъ подтвердить свою теорію (стр. 189—196).—Наконецъ третью группу возраженій противъ подлинности посланія къ Ефесянамъ заимствуютъ, какъ мы уже сказали, изъ различія языка и стиля этого посланія, сравнительно съ другими Павловыми писаніями (Baur, De-Wette, Ewald, Renan, Soden, Holtzmann, Klöpper, Dawidson и др.). Стиль посланія отличается будто бы растянутостію períodosъ и обиліемъ родительныхъ надеждъ. Авторъ справедливо

признаетъ бездоказательность подобныхъ указаній ссылками на другія посланія апостола Павла, въ которыхъ встрѣчаются подобные же и періоды, и сочетанія родительныхъ падежей, а самыя особенности стиля посланія къ Ефесянамъ объясняетъ замѣчательною широтою и многообъемистостію его содержанія (стр. 197—200). Что касается языка посланія, то авторъ, вопреки сужденіямъ отрицательной критики, доказываетъ полное согласіе языка этого посланія съ языкомъ другихъ Павловыхъ посланій. При этомъ авторъ значительно сокращаетъ таблицу словъ, которыя могутъ быть признаны *ἄπχξ λεγόμενα* въ посланія къ Ефесянамъ (стр. 201—204). Въ этомъ небольшомъ отдѣлѣ мы уже встрѣчаемся въ лицѣ автора съ тѣмъ глубокимъ знатокомъ подлиннаго языка новозавѣтныхъ писаній, какимъ онъ со всею ясностію выступаетъ далѣе, въ экзегетической части своего труда. Третью главу авторъ заключаетъ сильнымъ словомъ, что „всѣ усилія критики поколебать церковное преданіе о происхожденіи посланія должны быть признаны безусловно тщетными“, и что „не даромъ ея аргументы нѣкоторые называютъ простыми баснями“. Такой рѣзкій, но справедливый выводъ дѣйствительно позволяетъ автору слѣдять его предшествующій критическій разборъ сужденій отрицательной критики, разборъ, со всею очевидностію показавшій явно тенденціозный характеръ подобныхъ сужденій и отсутствіе у критики даже одного какого-либо твердаго исходнаго пункта.

Четвертая глава изслѣдованія находится въ тѣсной связи съ третьею, такъ какъ касается вопроса объ отношеніи посланія къ Ефесянамъ къ 1 посланію св. апостола Петра, какое отношеніе перѣдко понимается отрицательной критикой, какъ прямая зависимость одного посланія отъ другого, причемъ такая зависимость признается или за 1 Петровымъ посланіемъ (Holtzmann, Klöpper, Harnack, Zeller) или же, наоборотъ, за посланіемъ къ Ефесянамъ (Ewald, Hilgenfeld, Pfleiderer, Soden, Dawidson). При этомъ интересно, что даже среди изслѣдователей, признающихъ апостольское происхожденіе посланія

названных посланій, существуетъ взглядъ объ относительной зависимости одного изъ посланій отъ другого, причемъ зависимость I Петрова отъ посланія къ Ефессянамъ защищаютъ одни (Weiss, Fronmüller), а обратную зависимость другіе (Huther, Hofmann, Schmidt, Bleck, Hort, Zahn и др.). Такая постановка вопроса объ отношеніи названныхъ посланій въ наукѣ дѣлаетъ его одною изъ интереснѣйшихъ новозавѣтныхъ проблемъ, разрѣшеніе которой можетъ имѣть довольно существенное значеніе и для вопроса о происхожденіи посланія къ Ефессянамъ. Авторъ приступаетъ къ рѣшенію проблемы съ попытки опредѣлить даты происхожденія обояхъ посланій. Дата происхожденія посланія къ Ефессянамъ уже была опредѣлена авторомъ ранѣе (61—63 годы по Р. Х.). Здѣсь опъ рѣшаетъ трудный вопросъ о времени происхожденія I посланія св. апостола Петра. Для этого оказалось необходимо прежде всего выяснитъ вопросъ о томъ, кому назначалось посланіе—языко-христіанамъ или іудео-христіанамъ, и откуда оно написано. Авторъ признаетъ, вопреки нѣкоторымъ древне-церковнымъ мнѣніямъ (Оригена, Евсевія, Дидима, св. Епифанія, бл. Иеронима), что апостолъ Петръ не проповѣдывалъ въ перечисляемыхъ I стихомъ мало азійскихъ областяхъ, гдѣ были основаны церкви апостоломъ Павломъ и его учениками. Такъ какъ эти церкви, насколько извѣстно изъ книги Дѣяній, были по преимуществу языко-христіанскія, то авторъ и считаетъ языко-христіанъ ближайшими читателями посланія, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ древнихъ (Икумений, Теофилактъ) и новыхъ (Weiss, Kühl, Fronmüller, Kredner и др.) изслѣдователей. Свое мнѣніе авторъ утверждаетъ, прежде всего, на нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго посланія, которыя понятнѣе при предположеніи, что посланіе назначалось не іудео-христіанамъ, а языко-христіанамъ (I, 14, 18; II, 10; IV, 3). Но такъ какъ защитники противоположнаго взгляда приводятъ изъ этого же посланія мѣста, говорящія въ пользу назначенія посланія именно іудео-христіанамъ, то авторъ подвергаетъ критическому разбору эти

мѣста и доказываетъ примѣнимость ихъ и къ языко-христіанамъ (I, 1; III, 6); сюда же надо отнести и богатство выдержекъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, приводимыхъ въ I посланіи апостола Петра (стр. 210—229). Какъ приведенныя авторомъ мѣста въ пользу назначенія посланія языко-христіанамъ, такъ и приводимыя имъ же выдержки изъ этого посланія, указываемыя защитниками противоположнаго взгляда, по нашему мнѣнію, доказываютъ только невозможность на основаніи такихъ выдержекъ судить о первоначальныхъ читателяхъ посланія. Такая недостаточность предшествовавшего разбора соотвѣствующихъ мѣстъ, повидѣмому, признается и самимъ авторомъ, который далѣе обращается къ другимъ даннымъ для подтвержденія защищаемого имъ мнѣнія. Онъ именно съ этою цѣлію подвергаетъ критическому разбору мнѣніе о существованіи въ перечисляемыхъ апостоломъ Петромъ мало-азійскихъ областяхъ іудео-христіанскихъ общинъ и отвергаетъ это мнѣніе, какъ не подтверждаемое книгой Дѣяній Апостольскихъ (стр. 229—233). Не отрицая серіозности дѣлаемыхъ авторомъ въ данномъ случаѣ возраженій, мы однако находимъ достаточно серіозными и соображенія обратнаго характера, напр., какъ они высказываются Вейсомъ (стр. 229—230 настоящаго изслѣдованія). И вообще мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что защищаемый авторомъ взглядъ о первоначальномъ назначеніи перваго посланія св. апостола Петра языко-христіанамъ не можетъ быть признанъ доказаннымъ имъ со всею опредѣленностію и убѣдительностію, по крайней мѣрѣ, мы лично все же склонны предполагать, что посланіе было написано именно іудео христіанамъ. Мы, конечно, не беремъ на себя смѣлости вступать по данному вопросу въ полемику съ авторомъ специалистомъ, но однако позволимъ себѣ указать нѣкоторые данныя, побуждающія насъ лично склониться къ противоположному сравнительно съ взглядами автора, мнѣнію о первоначальныхъ читателяхъ посланія. И книга Дѣяній Апостольскихъ, и прямое свидѣтельство апостола Павла (Гал. II, 7) говорятъ намъ о томъ, что спе-

ціальної миссії апостола Петра всегда признавалась въ первенствующей церкви проповідь іудеямъ разсѣянiя. Поэтому, если допустить положеніе, что св. апостолъ Петръ проповѣдывалъ Христа лично въ перечисляемыхъ имъ областяхъ, то скорѣе всего именно іудеямъ. Если же вмѣстѣ съ авторомъ склониться къ предположенію, что апостолъ Петръ не проповѣдывалъ читателямъ своего посланія и что въ перечисляемыхъ имъ областяхъ церкви состояли изъ учениковъ апостола Павла и по преимуществу языко-христіанъ, то для насъ представляется вовсе непонятнымъ, по какому поводу и побужденію могъ писать апостолъ Петръ свое первое посланіе ученикамъ и духовнымъ дѣтямъ апостола Павла. Далѣе, мы не согласны съ авторомъ и въ томъ отношеніи, что будто бы по содержанію своему посланіе скорѣе могло быть назначено языко, а не іудео-христіанамъ. Думается, что основной темой I посланія св. апостола Петра надо признать раскрытіе той глубокой мысли, что ветхозавѣтныя обѣтованія іудеямъ исполняются въ христіанской церкви, въ жизни новаго Израиля. Основной темѣ вполне соответствуетъ и самый способъ раскрытія Апостоломъ истины. Какъ извѣстно, въ I посланіи апостола Петра весьма много выдержекъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ или буквальныхъ или почти буквальныхъ, какъ вообще много ссылокъ на ветхій завѣтъ, причемъ всюду предполагается основательное знаніе читателями ветхозавѣтныхъ писаній. Безспорно, авторъ имѣлъ основаніе видѣть нѣкоторое объясненіе этой отличительной черты I посланія апостола Петра не въ назначеніи его іудео-христіанамъ, а въ лицѣ его писателя-апостола Петра (стр. 227). Но однако думается, что указанный характеръ посланія апостола Петра скорѣе можетъ быть объясненъ предположеніемъ, что посланіе назначалось именно іудео-христіанамъ, иначе непонятенъ будетъ ни основной его предметъ, ни самый способъ раскрытія избраннаго предмета. Точно также пониманіе авторомъ начальнаго подписанія посланія: „избраннымъ пришельцамъ разсѣянiя“ въ томъ смыслѣ, что здѣсь языко-хри-